

В апреле-мае 1994 года в Орегонском университете (США) состоялась конференция «Культура и революция. Русская цивилизация до, во время и после советской эры». Среди докладчиков на этой конференции были А.Д. Сиявский, профессор Сорбонны; о. Веньямин, проректор Санкт-Петербургской духовной академии; И.Н. Сидоров, профессор Санкт-Петербургского университета; Джордж Клайн, профессор колледжа Браун Мор (США) и др.

Ниже помещается доклад доцента социологического факультета МГУ Н.Е. Покровского, сделанный на конференции в Орегоне.

© 1994 г.

Н.Е. ПОКРОВСКИЙ

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ ИЛИ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПАДНЯ?

Кто станет отрицать, что понятие «интеллигенция» принадлежит к числу наиболее запутанных и часто фальсифицируемых понятий современного русского, да и не только русского языка. Вопрос о том, что такое «интеллигенция», занимал лучшие умы прошлого и настоящего русской культуры. И это понятно, ибо ответ на этот вопрос позволил бы создать своеобразную философскую и социологическую «теорию» русской культуры XIX и XX веков. В самом деле, понять творчество Льва Толстого и Чехова, Чайковского и Блока, Бунина и Пастернака, Михаила Булгакова и Павла Корина, Алексея Лосева и Андрея Тарковского и многих других выдающихся русских талантов можно лишь в том случае, если соотнести их жизнь и произведения со специфическими историческими «ситуациями» российской действительности. А это и есть ответ на вопрос, что такое интеллигенция и какова ее роль в русской истории.

Пути формирования интеллигенции и ее характерные черты

В самом общем виде можно сказать, что интеллигенция — это особый общественный слой, большая группа, главное занятие которой состояло и состоит в продуктивной умственной деятельности, рассматриваемой в широком нравственном контексте; социальная группа, для которой нравственные поиски стали своего рода социальной предназначенностью (не рискуя употребить слово «функцией»). К этому можно добавить, что интеллигенция понятие чисто российское (с этим согласны, кажется, все), не имеющее прямых параллелей в иных культурах.

Разумеется, во все культурах были и существуют ныне большие группы людей, занимающихся интеллектуальным трудом, создающих произведения искусства и озабоченные вопросами нравственности. Однако между российскими интеллигентами и «интеллектуалами», в особенности на Западе, наблюдается как минимум одно важное различие.

Реформация христианства и развитие свободных рынков на Западе породили очень важное социальное равновесие между интеллектуальным трудом и обществом. Равновесие это состоит в том, что согласно структуре рынка (в самом широком, почти философском смысле этого слова) западный интеллектуал «производит» ровно столько, сколько того может потребить общество на данной стадии его эволюции. Это, разумеется, касается не только количества, но и качества интеллектуальных «продуктов». И чем точнее интеллектуал, будь то художник, ученый, педагог, журналист, кто угодно, угадывает это хитрое равновесие, тем большего успеха он добивается и по части общественного признания, и в смысле материального вознаграждения. Короче, западный интеллектуал прежде всего

сориентирован на поиски равновесия со средой своего социального существования, в чем подчас он достигает выдающихся результатов.

Иное дело получилось в России, притом с самого начала формирования русской интеллигенции. Она, начав осознавать себя как особую социальную группу приблизительно в середине прошлого века, стала историческим продуктом не равновесия, а противоположного — полнейшего дисбаланса социальных структур. Само ее рождение было итогом сочетания по логике вещей несочетаемых факторов. В силу особой российской ситуации — болезненного вхождения в «равновесный» капитализм — стало возможным возникновение большой группы «критически и творчески мыслящих индивидов», которые самозабвенно трудились на своем поприще, но могли поддерживать свое существование, не производя рыночных продуктов в прямом смысле этого понятия. Духовные мечты и грезы, общемировая озабоченность, сложная система сострадания и жертвенности, нравственное содержание деятельности, культ духовного начала как противоположного материальному — все это, как раз и составляющие наиболее характерные черты интеллигенции, было чем-то «сверх» дополнительным по меркам западного рынка, были излишни с точки зрения потребностей этого рынка.

Итак, если западному интеллектуализму свойственно точное «измерение» того, что ему следует «произвести» в данной ситуации, то российской интеллигенции присуще иное — прибавочная духовная деятельность, не продиктованная требованиями рынка, а потому как бы дополнительная, особая, по-своему свободная. Интеллигенция появилась на свет не потому, что российские культурные традиции обладали каким-то особым потенциалом и провиденциалистской направленностью. Едва ли это было так. Она появилась на свет вследствие неповторимого исторического парадокса. А именно. Общество, которое было вполне антиинтеллектуальным, «скалозубовским» на этапе своего предкапиталистического слома образовало социальную нишу, позволявшую заниматься мыслительной деятельностью, довольствуясь малым и не заботясь о куске насущном в той мере, в какой это характерно для западных интеллектуалов.

Что же получилось в итоге этого «нишеобразования»? Историческая ниша быстро превратилась сначала в келью отвлеченного философствования, а затем в храм с присутствующими ему культовыми обрядами. Отмеченная выше своеобразная дополнительность и излишность интеллигенции превратилась в ее сущность.

Илья Ильич Обломов — этот протоинтеллектуальный герой повести И.А. Гончарова — мог безбедно существовать, ничего не производя из того, в чем нуждалось общество. Между тем был вполне «чувствующим» человеком, не чуждым мира милых обывательских мечтаний и малых забот. На смену слегка шаржированному герою Гончарова со временем пришли интеллигентные герои Достоевского, у которых мы обнаруживаем, с одной стороны, необычайный взлет эмоциональности, обостренность чувствования и переживания, озабоченность всем мировым злом и несправедливостью, с другой стороны, еще больший отрыв от экономической-целесообразности и материальных условий жизни. Уже на ранних этапах формирования русской интеллигенции мы видим кристаллизацию нескольких философско-экзистенциальных принципов, присущих не только литературным персонажам, сколько социальному сознанию большой категории людей. Один из них — чрезвычайное гипертрофирование духовно-нравственного аспекта жизни как радикально противоположного всему материальному. В среде русской интеллигенции было неприлично обсуждать материальный достаток, богатство считалось чем-то неприличным, недостойным упоминания, тогда как любые нравственные и просветительские достижения рассматривались как самодостаточные. Следуя известной строке Б. Пастернака, можно сказать, что коренной русский интеллигент считал: «быть знаменитым не красиво». Как не красиво иметь больше, чем того требуют ваши профессиональные занятия и духовные интересы.

Этот принцип можно легко сопоставить с известной теорией протестантской трудовой этики, чтобы увидеть, сколь различны две парадигмы — русской интеллигенции и западного интеллектуализма. В этой связи можно сравнить жесткую целесообразность во всем, присущую западному интеллектуалу, и полную духовную несдержанность русского интеллигента. На Западе — принцип точного измерения и соразмерности прилагаемых усилий, ожидаемых результатов и предполагаемого общественного вознаграждения за любую интеллектуальную деятельность. В России, как идеал, — бескорыстное служение абстрактной идее, истине, радение за все человечество без разбора лиц.

Не обсуждая этого, впрочем, вполне тривиального сопоставления Россия-Запад, отметим лишь, что русская интеллигенция стала носителем идеи дисбаланса, неравновесности критического неприятия внешних социальных условий, оппозиционности. На Западе же

интеллектуализм во многих случаях вполне мирно уживается с самыми различными ситуациями и обстоятельствами, а его оппозиционность никогда не переходит известных рамок. Русская же интеллигенция, по определению, не признавала никаких сдерживающих рамок, кроме тех, которые она сама же устанавливала. Последнее и приводило ее подчас к самовозвеличанию и нарциссизму. Русская интеллигенция по характеру своего мышления и мироощущения постоянно и невооруженно переходила от одной крайности к другой.

Вспомним А. Блока, быть может, одного из самых уравновешенных российских интеллигентов. В 1908 году он признал, что русская интеллигенция — «страшная лень и страшный сон» — «осуждена бродить, двигаться и вырождаться в заколдованном круге» (статья «Народ и интеллигенция»). Но уже в 1918 году он восторженно признал, что «России суждено пережить муки, унижения, разделения; но она выйдет из этих унижений новой и — по-новому великой» (статья «Интеллигенция и революция»). И вновь там же: «Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью». Миссию «переделки» России Блок отдавал русской интеллигенции.

Трагедия экзистенциального непонимания и одиночества в чуждом социальном мире. Преклонение перед народом и полнейший страх опуститься до общения с ним. Порыв разрушить «свинцовые мерзости жизни» и прекраснотупая утопичность (в том числе марксистская) в области социальной мысли. Призыв «слушать Революцию» и скорое отрезвление относительно ее подлинной природы. Таковы колебания интеллигентского духа. Таковы Сциллы и Харибды русской интеллигенции. Но в отличие от мифологического героя, миновавшего коварные острова, русский интеллигент попеременно высаживается на них, подвергая себя огромным нравственным и психологическим перегрузкам.

Как бы то ни было, но уникальная историческая природа русской интеллигенции, исполненная как великих нравственных открытий, горения мысли и чувства, так и трагических противоречий, несказанно осложнявших ее положение в обществе, создала почву для возникновения выдающейся культуры, будь то искусство, литература или гуманитарные науки. Более того, русская интеллигенция создала систему духовных ценностей и координат, общекультурный нравственный фон, на котором развивались все исторические события российской действительности.

Русская интеллигенция и революция: трагедия утопичности, самопожертвования, сервеллизма

Общеизвестно что Русская революция 1917 года, предопределенная целым рядом исторических обстоятельств, была детищем русской интеллигенции. И речь идет не только и не столько о революционерах в узком смысле этого слова. Интеллигенция в целом жила ожиданием радикальных перемен, стремилась к ним, обосновывала их необходимость, хотя и понимала характер этих перемен по-разному. Революция представлялась как тотальный переворот всей социальной системы, как полное очищение от старых ценностей, от «распутинщины», как создание нового на «чистом месте». Этот искренний порыв исторического созидания, исполненный всех тех же крайностей и неумеренности, столкнулся с отрезвляющей реальностью.

И этой реальностью стал быстро укрепившийся в Советской России бюрократически-тоталитарный режим. Интеллигенция, искренне не ведая того, привела его к власти, освятила этот путь. Но она же в глазах режима выступала с самого начала его первейшим социальным противником. Прежде всего не устраивали присущие интеллигенции независимость критического отношения к действительности, независимость мысли и действия как таковая. Это была социальная группа, труднее всего подчинявшаяся внешнему воздействию, ибо, как известно, духовные ценности обладают свойством высокой сопротивляемости.

Все возрастающее давление на интеллигенцию, развивавшееся по нескольким направлениям (экономическому, политическому и собственно идейно-нравственному) привело к возникновению новых парадигм (идеальных социальных типов), на которые стала ориентироваться российская интеллигенция послеоктябрьского периода. Попробуем проиллюстрировать эти парадигмы весьма силуэтными портретами выдающихся русских интеллигентов, волею судеб олицетворивших их.

Парадигма первая «Исход». Эмиграция на Запад стала для многих сотен тысяч русских

интеллигентов эпопеей избавления и одновременно трагедией духовной безысходности. Рассматриваемая парадигма предопределяет драматизм, если не трагизм того, кто ей соответствует. Так в общем произошло и с П.А. Сорокиным. Его научный гений имел чисто русские характеристики, его многочисленные социологические труды всегда содержали в себе тот самый нравственный компонент «излишности», который обсуждался в начале данной статьи. Даже будучи искренним «западником», Сорокин продолжал оставаться чисто русским интеллигентом, маявшимся мировыми проблемами, судьбами человечества, нравственными эквивалентами социологических концепций и пр. И потому очевиден глубокий диссонанс, который звучал в отношениях Сорокина с современным ему интеллектуальным сообществом на Западе. Полного понимания в своих отношениях они все же не достигли. В итоге никем не оспариваемый авторитет Сорокина все же остается для Америки явлением сугубо историческим. Пророческий и нравственный дар П.П. Сорокина так и остался не востребованным.

Парадигма вторая. «Уход в пещеры». Давление бюрократически-тоталитарного режима, постоянно усиливавшееся, заставило многих русских интеллигентов уходить во внутреннюю эмиграцию, создавать духовное подполье, замыкаться в себе, ограничивая круг социального общения. Жизнь и творчество А.Ф. Лосева может быть яркой, но одновременно и трагической иллюстрацией этой парадигмы. С конца 20-х годов Лосев практически прекращает свою основную преподавательскую деятельность и начинает писать «в стол». Это совпадает с его первым арестом, допросами в ОГПУ и заключением в лагерь на Соловецких островах. Пройдя «перевоспитание» в лагере и вследствие нового везения выйдя из него живым, А.Ф. Лосев полностью отказывается от любых форм общественной деятельности и фактически становится чистым мыслящим интеллектом, заточенным в пещере вынужденной изоляции. Лосев затихает и исчезает на десятилетия.

Весьма примечательно, что А.Ф. Лосев вполне сознательно остался в России, даже не рассматривая возможность эмиграции, которая у него в принципе оставалась до середины 20-х годов. Тема жертвенности — неизбежная тема русской интеллигенции. Но у Лосева она лишена надрывности и кликушества: «Такая жизнь индивидуума — писал он, — есть жертва. Родина требует жертвы. Сама жизнь Родины — это и есть вечная жертва». Но неподдельный и философски обоснованный стоицизм Лосева тем не менее не может скрыть от нас глубокого трагизма его «парадигмы», приводящей русского интеллигента к изолированности от внешней социальной среды и духовному одиночеству.

Парадигма третья. «Попытка достойного партнерства». Эта парадигма была связана с попыткой интеллигенции установить честное и достойное общение с режимом и стремлением найти хотя бы какой-то модус их сосуществования при сохранении принципа невмешательства и личной независимости нравственного самовосприятия. В какой-то степени она может стать объяснением жизненного пути трех выдающихся русских интеллигентов — М.А. Булгакова, Б.Л. Пастернака и Д.Д. Шостаковича. В условиях установившегося после революции тоталитаризма М. Булгаков, в силу склада своего характера и убеждений, не мог и не хотел выбирать позицию добровольной изоляции. Посвятивший себя театру, он принимал деятельное участие в литературных объединениях, художественной жизни Москвы.

Парадигма «достойного партнерства» не принесла, однако, того, на что надеялся Булгаков. Все больше и больше его творчество шло вразрез с официозом, и он вынужден был так или иначе начать литературное «двойничество», писать то, что заведомо не могло быть опубликовано. Так, его наиболее крупное произведение, роман «Мастер и Маргарита» и стал как раз «романом без будущего» (он был опубликован только в 60-е годы). Примечательно, что с социологической точки зрения, мировоззрение двойственности, философской разорванности восприятия мира гениально воплотилось в этом романе. Парадигма «достойного партнерства» оказалась также исполненной внутреннего драматизма и даже трагизма, которые проявляют себя как в коллизиях личной жизни русского интеллигента, так и в его творчестве. Это обстоятельство еще более разительно обнаружило себя в жизни Б.Л. Пастернака и Д.Д. Шостаковича.

Парадигма четвертая. «Умеренное сотрудничество». Наряду с дистанцированным партнерством русская интеллигенция выработала еще одну стратегию своего отношения к властям. Стратегия эта заключалась в том, чтобы «честно» принимать реалии социального уклада Советской России, но находить для себя такие области («лакуны») в творчестве и интеллектуальной деятельности, которые в наименьшей степени были связаны с нравственными компромиссами. Поскольку режим установился на многие сотни лет и конца ему,

как считалось, не было видно, а равно и доступной альтернативы ему нет, полагали вынужденные сторонники такой парадигмы, то следует, во-первых, искать нечто положительное в самом режиме, а, во-вторых, все же уходить как можно дальше от наиболее идеологически окрашенных тем и «зон».

На раннем этапе формирования этой парадигмы она была сформулирована в сборнике «Смена вех». Постепенно она получила широкое распространение. В литературе ее можно заметить, например, в жизни и творчестве К.С. Паустовского, позднее — писателей-«деревенщиков». В кино — это длинный список талантливых режиссеров, посвятивших себя разработке нравственных тем личности.

Парадигма пятая. «Самозабвенный сервелизм». Весьма значительная часть российской интеллигенции с энтузиазмом и полным отстранением от своего внутреннего Я приняла принципы и задачи официальной идеологии и посвятила себя ее служению. Причины перехода к этой парадигме бывали различны, но итог, как правило, оказывался одним: идентификация с официальной идеологией и «творческое», то есть искреннее служение ей всей силой своего таланта и своих способностей. Так возникало «социалистическое искусство» и «марксистское обществознание», нередко поддерживавшиеся весьма одаренными людьми (в этом, как раз и заключался наибольший трагизм ситуации). В социологическом отношении парадигма «самозабвенного сервелизма» стала знаменем «новой, социалистической интеллигенции» («рабоче-крестьянской интеллигенции», «трудовой интеллигенции» — таковы были главные идеологемы).

Парадигма шестая. «Диссидентство». Диссидентство в среде интеллигенции советского периода было попыткой радикального выхода за пределы существующей идеологии и прямой конфронтации с ней. Диссидентство — сложное социальное явление, однако его «парадигма» достаточно очевидна. Она подразумевала отрицание всего набора официальных духовных ценностей и противопоставление ему либо традиционных ценностей дореволюционной российской интеллигенции, либо современного западного либерализма. Диссиденты отрицали саму идею сотрудничества с властями на какой-либо основе. И в этой непримиримости заключалась сила нравственной позиции и логика социального действия. По своему характеру, однако, диссидентство было парадигмой сопротивления, сила которой состояла в отрицании. Что касается позитивной программы реконструкции русской культуры, то, как показал дальнейший ход событий, связанных с перестройкой и пост-перестройкой, этой программы в диссидентстве, по существу, не было.

Рассмотренные парадигмы, отражавшие расслоение русской интеллигенции в после-революционный период вплоть до 90-х г., между тем должны быть дополнены одним комментарием. Состоит он в следующем.

Если исходить из того, что русская интеллигенция возникла в XIX веке как итог «игры» социальных факторов, создавших возможность существования целого социального слоя, весьма условно связанного с экономической целесообразностью, то надо признать, что советский режим на совершенно иных основаниях сохранил социальные условия существования интеллигенции. Видимо, советский строй по инерции унаследовал просветительский и гуманитарный характер дореволюционной культуры. Но главное, должно быть, заключалось в том, что институционализированный марксизм поставил своей целью провести тотальную трансформацию сознания человека, а это требовало не только лагерей и расстрелов, но и более тонких методов проникновения в сердца и души людей. Вот эта вполне прагматичная социальная миссия и была уготована русской интеллигенции, что позволило ей сохраниться, выжить — пусть и в искаженном виде, но продолжить культурную традицию.

Изначальный нравственный мир русской интеллигенции не мог сохраниться после революции 1917 года. Однако он все же сохранялся как воспоминание, как исторически удаленная, но все же существующая система ценностного отсчета, как образец, пусть и недостижимый. Роль подобных нравственных ориентиров, принципов в жизни общества огромна. Отдельные фрагменты старого мира ценностей можно было видеть рассеянными в тех или иных областях советской культуры, словно остатки древних городов, которые включаются в современную застройку мегаполисов.

Ныне нередко строят предположения о том, что бы могло случиться с Россией, не будь революции 1917 года, не произошли убийство Столыпина, не будь распутищины, не отрекись Николай II от власти и т.д. При этом имеют в виду, что выбранная историей альтернатива была заведомо наихудшей и что все остальные наверняка бы привели Россию

к процветанию. Возможно, но далеко не обязательно. Многие альтернативные пути развития России, по которым она не пошла, отнюдь не непременно сулили процветание интеллигенции. Более того, ни один из них, насколько я могу судить, этого процветания ей не обещал. Увы, создается впечатление, что роковой час русской интеллигенции пробил не в 1917-м, а раньше. И быть может, ее историческая обреченность словно выражена известным афоризмом Гераклита: «Первый шаг ребенка есть первый его шаг к смерти».

Перед лицом рынка: неравноценный обмен

До сего момента речь в основном шла о реальности исторической, то есть прошлом, которое раскрывается перед нами в тех или иных своих гранях. Обратимся к современному состоянию российской интеллигенции, к встающему перед нею альтернативам.

Закат советской системы подавляющее большинство интеллигенции восприняло с энтузиазмом. Любопытная особенность перестроечного периода состояла в том, что окончательно одряхлевший советский режим вызывал раздражение во всех слоях и группах тогдашнего советского общества за исключением, быть может, узкого круга высших партийно-государственных руководителей, которым, собственно говоря, отступать было некуда.

Представители всех слоев и групп в обществе полагали, что изменения просто необходимы и что они непременно улучшат их положение и «самочувствие» в будущем. Вполне закономерно, что именно интеллигенция того времени стала наиболее последовательным выразителем и генератором недовольства общественным укладом. Это недовольство и внутренняя оппозиционность выразались по-разному, но в целом они сводились к тому, что привнесение в советскую действительность либеральной свободы вскоре выведет все общество на уровень западных стандартов жизни.

При этом вполне оправданный критицизм в отношении системы в целом как бы сочетался с совершенно некритическим и утопичным отношением к своему собственному месту в системе социальных отношений. Интеллигенция, как, впрочем, и другие группы полагали, что в профессионально-нравственном отношении они вполне «созрели» для либеральных свобод и соответствующего им образа жизни. Подобную иллюзорную самоуверенность назовем «социально-групповым эгоцентризмом».

Воображалось, что уход с политического Олимпа советской геронтократии и наиболее тупых и скомпрометировавших себя аппаратчиков немедленно раскрепостит духовные силы «народа», включая сюда и интеллигенцию, и мы, чуть ли не на следующий день, заживем свободной и счастливой жизнью. Это был очень мощный иллюзорный мотив, который фактически определял поведение не только "среднего" интеллигента, но и представителей интеллигентских элит.

Признаться, интеллигенция, при всей утонченности своего взгляда на мир, не избежала социально-группового эгоизма. Более того, она превратила его в своего рода идейную программу и довольно быстро возглавила движение за «перестройку» системы. Возобладал принцип: «Сначала разрушим до основания, а затем подумаем, что будем строить». Этот принцип, кстати сказать, уходит своими корнями в философию радикально-разночинной интеллигенции XIX века, проявлял он себя и в русском марксизме и в большевизме, о чем достаточно ясно писан Н.А. Бердяев. Как бы то ни было, подобная программа негативизма возобладала — опять же не по чьему-то умыслу, а в силу определенных исторических условий и сочетания общественных сил.

Одним из позитивных принципов мыслилась либерализация общественного сознания, действительно всеми желанная и совершенно необходимая, получившая название «гласности». Отмена цензуры, плюрализм художественной деятельности, либерализация преподавания в университетах. Все это было «весомо, зримо» в первую очередь для интеллигенции.

Однако очень скоро, особенно стремительно после августа 1991 года, гласность стала терять многие черты своего обаяния. Оказалось, что свобода «от» еще не гарантирует свободу «за». Либерализованные структуры интеллектуальной деятельности (пресса, издательства, телевидение, университетское преподавание и пр.) не могут простоять без работы, им был нужен «материал», «сырье» — новые идеи, принципы, ценности. А их не было и в помине. Надвигался вакуум. И он пришел.

Уже не стало коммунистических структур, уже не было половинчатого Горбачева, озадачившие интеллигенцию, не было советской империи («тюрьмы народов»). Но на смену

им фактически не пришла ни одна сколько-нибудь долговечная программа или хотя бы полноценная идея.

Национал-патриоты предлагали искать выход из положения в реанимации дореволюционных духовных ценностей. При этом все они по-разному уходили в глубь истории в поисках ценностей. «Допетровская Русь и исконные славянские ценности», «российские имперские ценности и культ Николая II», «крестьянско-общинные духовные ценности и земства», «российский капитализм столыпинского толка». Вот, пожалуй, три преобладающие принципиальные ценностные установки, касающиеся особого пути России в мировой истории. В области духовной культуры абсолютизировалось идейное наследие русской религиозной философии.

«Западники» (или, как их стали называть, «демократы») ориентируются на ценности западных либеральных демократий, рационализм, сциентизм, интеллектуализм, протестантскую трудовую этику веберовского толка, единство России со всем остальным мировым сообществом и отсутствие в национальном наследии чего бы то ни было такого, что следует наверняка взять в будущее, ибо будущее — это глобальная цивилизация, в которой все будет по-другому, чем сейчас. Радикализм в области духовной деятельности был и остается особенно заметен. Подразумевая и провозглашая, что все без исключения формы прежней художественной и научной деятельности и нравственность как таковая были полностью отравлены тоталитаризмом, представители этой «философии» предлагали заменить их любыми формами альтернативной культуры. Так, на свет появились и стали насаждаться различные формы современного российского модернизма и постмодернизма «по необходимости», как духовного эквивалента рынка в искусстве и художественной деятельности как таковой. При этом современная рыночная культура (даже в своих элитарных формах) видится мне неким большевизмом наоборот: на свет выходят печально известная непримиримость к инакомыслию, мессианство, любовь к «кормушкам».

Выходцы из обоих лагерей, но не доводившие указанные концепции до полного абсурда, составили «умеренный» лагерь.

Примечательно, что обсуждаемые позиции и разногласия не были уделом отдельных публицистов или же ученых умов академического толка. Водоразделы проходят по многим, прежде нейтральным зонам, раскладываются семьи и научные сообщества, печатные издания человеческие отношения и пр. Дискуссии уже давно вторглись в запретную зону экзистенциальных ценностей, то есть тех ценностей, которые определяют наше отношение к проблемам бытия и нашего Я. Вопрос: «Как жить дальше?» дамкловым мечом вновь повис над российским обществом.

Под шум жарких споров о будущем России не очень громко, но весомо в Россию пришла рыночная экономика. То есть она как бы пришла и не пришла в одно и то же время. В России уже существует что-то от настоящего западного рынка, что-то явно задержалось от советских времен, есть элементы раннего капитализма и даже российского феодализма. Все это происходит на фоне криминализации всех форм экономической, политической и культурной жизни.

«Переходный период» - так определяют наше время. И с этим нельзя не согласиться. Но один лишь термин многого не объяснит. Попробуем хоть в какой-то мере проследить их тенденции. Бросаются в глаза полное уныние, которое царит среди подавляющей части интеллигенции, и взрыв небывалого, почти сектантского энтузиазма, охватившего существенно меньшую ее часть.

В первом случае речь идет об унынии, которое продиктовано колоссальным падением уровня жизни интеллигенции. Причем речь идет не только о его абсолютном падении. Обвальное падение доходов интеллигенции немедленно отозвалось тем, что она по условной шкале социальных престижей скатилась с устойчивого второго места (после партийно-государственной номенклатуры) на последнее, которое она делит с нетрудовыми группами населения (пенсионерами, инвалидами, школьниками). Иными словами интеллигенция лишилась не только материального благосостояния и гарантированных, хотя и скромных, доходов, но прежде всего высокого рейтинга общественного уважения. В наши дни профессор университета - профессия весьма сомнительного престижа («не мог никуда по делу устроиться, вот и работает профессором»). То же касается любой другой «умной» профессии. Суть состоит не в уколах самолюбия интеллигенции. Проблема в том, что она за два переходного года утратила свой духовный престиж в глазах общества, свою мессианскую роль учителя жизни («гурук»), мудреца. А это уже покушение на ее главную общественную функцию. Никто особенно не будет интересоваться мнением интеллигента, если его не

показывают раз в неделю по телевидению или он, на худой конец, не ездит на престижной машине иностранной марки.

Одновременно, неумный энтузиазм определенной, малой части интеллигенции относительно настоящего и будущего России, энтузиазм, подчас носящий иступленно-сектантский характер, объясняется тем, что те или иные деятели искусства, науки, других профессий нашли ту небольшую нишу в новых структурах, которая позволяет им несказанно увеличить свои доходы по сравнению не только со своими нынешними коллегами, но и относительно, со шкалой доходов интеллигенции в прошлом. Короче, для них действительно жить стало лучше, веселее. Естественно, они переносят свой экономический успех на свое творчество и облекают все это в «оптимистическую философию», выраженную хамоватой истиной: «Если ты умный, то почему же ты бедный?».

Следует, видимо, сделать два замечания. Первое. Как правило, удачливые интеллигенты отходят от своих прежних занятий, специализаций в науке, профессий. Материальный успех приходит к ним не столько по профилю высокоого профессионализма, сколько в направлении инфраструктурных занятий. (Удачный менеджмент, доступ к информации, поиски рынка сбыта, выбор партнеров, и т.д.) Все это, быть может, и не плохо, ибо придает ситуации известный динамизм и разрушает интеллигентский снобизм («я — творец духовных ценностей, и остальное меня не интересует»). Второе. Как бы ни была полезна и успешна инфраструктурная деятельность, она тем не менее таит в себе серьезные опасности. Постепенно она забирает все больше и больше сил, становится самодовлеющей, а подчас и самоубийственной для интеллигента. Гоголь все это прекрасно показал в повести «Портрет». Речь не идет о произведениях «массовой культуры», а о произведениях именно высокой, подлинно интеллигентской культуры. Общим местом стало справедливое утверждение, что постперестроечная литература, поэзия, театр, кинематография, гуманитарная и социальные науки практически ничего не могут предложить сопоставимого с теми условиями свободы, которые, как ожидалось, должны были привести к небывалому взлету творчества. И это действительно так — Ренессанса не получилось!

Впрочем, обидное отсутствие Ренессанса тоже умело объясняется. Дело в том, что Ренессанса и не должно вообще быть. Перед российской интеллигенцией стоит задача стать «нормальным» классом интеллектуалов. Для этого ей надо решительно избавиться от мессианства, пресловутой «духовности», исключительности. «Поэт в России — больше чем поэт!» Неправда, в России поэты должны быть поэтами, профессора — профессорами, художники — художниками. Все, что приходит сверх того, есть лишнее, тянущее назад в патриархальщину, уводит Россию от Европы. Такую точку зрения на нашей конференции развивает, в частности, А.Д. Синявский. По его мнению Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.И. Солженицын и многие другие русские интеллигенты «испортились» благодаря своей позиции: «поэт в России — больше чем поэт». А как бы было хорошо, если бы они оставались просто творцами и никем более!

Такова распространенная точка зрения на будущее интеллигенции. В ней все логично за исключением одного. Тот, кто стремится ни в коей мере не преступать грань своей интеллектуальной профессии, вынужденно обрекает себя на то, чтобы оказаться ниже требований своей профессии, то есть деградировать и сделаться просто... скучным, как для других, так и для себя самого. А скука, надо признаться, самое невыносимое в сфере духа.

Новые и пока еще неявно провозглашаемые ориентиры в области интеллектуальной деятельности развиваются параллельно с трансформацией социальных структур, характерных для этой деятельности. Можно обнаружить следующую тенденцию. Во многих, если не в большинстве академических институтов, лабораторий, редакций и издательств выделились небольшие группы «активистов», рыночно ориентированных энтузиастов, которые в силу своего изначального положения в недалеком прошлом, как правило, контролировали основную собственность этих организаций. Эти руководящие группы, имевшие доступ к контролю над собственностью, пытаются всеми возможными способами извлечь пользу из своего нового положения, характеризующегося полным отсутствием контроля и четких финансовых ограничений сверху.

Под лозунгами спасения творческих коллективов в новых рыночных условиях без осознанного стеснения осуществляются сомнительные банковские операции, хищнически сдаются в аренду помещения, распродается собственность и т.д. Как правило, «группа рыночных активистов» вершит свою деятельность в полнейшей тайне, планы и отчеты никогда не оглашаются, демократических принципов управления структурой нет и впомяне. Как итог этой деятельности, рыночные активисты получают сверхдоходы по существующим российским меркам.

Главные же исполнители, на которых и держится деятельность этих структур, получают определенную надбавку к своим нищенским зарплатам, но эта надбавка носит непринципиальный характер и ни в коей мере не может привести к повышению материального и социального статуса исполнителей. Короче, основные организации, действующие в сфере интеллектуального труда и сосредотачивающие в себе современную интеллигенцию, представляют собой с социологической точки зрения крайне напряженную структуру, исполненную внутренних противоречий. По своему характеру они весьма далеки от динамичных рыночных структур, наблюдаемых на Западе. Напротив, наша приватизация интеллектуальной деятельности «снизу» чем-то напоминает феодальные структуры с их отсутствием свободного общенационального рынка, «сеньорами» и «вассалами», а также и крепостным закреплением работников. В этих структурах нарастает социально-экономическая поляризация, подрывающая саму суть свободной интеллектуальной деятельности. Поэтому ссылки на Запад и мечты о «нормальной» интеллектуальной деятельности малоубедительны. Мы движемся отнюдь не в направлении «нормального» общества.

В подобных условиях, имеющих массовое распространение, очевидным образом уничтожается основная социальная функция интеллигенции — аккумуляция нравственного сознания и нравственной деятельности.

Объясняя столь безрадостное положение дел, иногда говорят (особенно официальная правительственная пропаганда), что все заключается в недостаточной материальной базе культуры: мол нет денег издавать хорошие книги, ставить спектакли, вести преподавание в университетах. Вот когда пройдет «переходный» период, тогда и заживем духовно полной жизнью. А сейчас мол надо потуже затянуть ремни, ибо все перемены происходят в интересах общества в целом. Должен же существовать национальный интерес и, соответственно, жертвы во имя нации. Так часто говорят.

Утверждения эти, однако, заключают в себе, на мой взгляд, одно небольшое противоречие. Если все перемены во имя будущего происходят на основе создания рыночных структур, то следует, видимо, помнить одну из главных заповедей любой рыночной философии: польза от деятельности должна возвращаться к носителю деятельности немедленно. То есть никаких откладываний до наступления светлого рыночного будущего не может быть — только здесь и теперь! Для меня! А не для моих детей! Они сами о себе позаботятся! И никак иначе. На этом строился капитализм во всех известных нам странах и во все исторические эпохи.

Таким образом, с одной стороны, интеллигенцию призывают к свободному рынку, но с другой стороны, возможные первые плоды этого перехода (кроме разве что неокончатальной отмены цензуры) откладывают до неопределенного будущего. Получается какой-то странный капитализм «наполовину». Точнее будет сказать, капитализм успешно наступил для страты «сеньоров», тогда как «вассалы» деградировали в феодализм.

Когда будущее российской интеллигенции рассматривается непредвзято, с позиций социологического анализа, то это внушает вполне закономерное уныние. Социальная группа, интеллигенция, во-первых, оказывается лишенной своей главной социальной функции (генерация и распространение духовно-нравственных ценностей). А, во-вторых, она теряет свое «пространство» в социальных структурах общества. Она в своем традиционном виде попросту никому не нужна, она — лишняя, а потому... Впрочем, не будем делать самоочевидный печальный вывод.

Стоит, однако, основываясь на трезвом анализе, прийти к тревожному выводу, как возникают два контраргумента.

Первый из них таков. Я называю его «мистическим». «Интеллигенция не может сойти со сцены, ибо этого не может быть. Она обязательно выживет и укрепится. Что-нибудь да произойдет». Этот аргумент напоминает мне доводы родственников у постели больного, находящегося в состоянии комы. А почему, собственно говоря, интеллигенция должна выжить, если функции ее исчерпаны и социальное пространство уже перераспределено? В самом деле, разве история не свидетельствует о том, что время от времени исчезают целые группы и слои, которые уже не поддерживаются в своем существовании всем остальным окружением? Спрашивают: кто же будет учить детей? писать книги? снимать кинофильмы? Что же, все то будут делать новые люди, но не стоит их путать с интеллигентами. Они будут прекрасно входить в систему экономической целесообразности, рассмотренную в начале данной статьи. Это будет «нормальный» интеллектуальный труд, рассчитанный на рынок, и потому труд без нравственных «излишков». Примеров подобного «безотходного» интеллектуального труда более чем достаточно.

Второй аргумент в защиту будущего интеллигенции как бы вытекает из первого

может ли интеллигенция измениться, «перестроиться», очиститься от миллиона гамлетовских терзаний и в итоге стать «нормальной»?

Мой ответ таков: «Может!» Но это уже будет не интеллигенция, а иная историческая группа. Хотим ли мы иметь ее или, более того, остаться ее частью? Не знаю.

Все приведенные выше рассуждения рисуют некую смешанную картину будущего. С одной стороны, вроде бы у интеллигенции в традиционном смысле этого понятия нет будущего. С другой, видоизменившаяся «интеллигенция» (или как угодно ее называйте) безусловно сохранится, хотя бы потому, что общество не может существовать без духовной жизнедеятельности. Кто-то все равно будет этим заниматься.

Как к этой смешанной и неясной ситуации могли бы, в принципе, отнестись наши западные друзья и коллеги, которые близко к сердцу принимают все коллизии современной российской истории и судьбы русской интеллигенции? Как бы способствовать укреплению в России либеральной демократии и рыночной экономики и при этом сохранить традиции ночных дискуссий о мировых проблемах и бескорыстную взаимопомощь? Как сделать Россию «частью мирового сообщества» и не нарушить в ней духовную почву для будущих Достоевских и Толстых? В конце концов, как сделать Россию «нормальной» современной страной, оставив в ней «ненормальную» интеллигенцию, слегка окультуривав ее? У меня нет ответа на эти вопросы. Иногда мне кажется, что положительного ответа вообще быть не может.

Впрочем, я точно знаю лишь одно. «Сумасшедшая», не укладывающаяся ни в какие рамки страна дает миру Достоевского, Толстого, Чехова, Блока, Сорокина, Лосева, Булгакова, Пастернака, Шостаковича... «Нормальная» страна, соответствующая всем мировым стандартам, дарит миру гениев — Торо, Эмерсона, Марка Твена, Эдгара По, Фолкнера, Дьюи, Теннесси Уильямса, Чарли Чаплина, Гершвина...

Что же, Россия может стать и, по всей видимости, в отдаленной перспективе станет вполне «нормальной», страной. Только здесь есть по крайней мере одна проблема.

Уже сейчас явно обнаруживает себя тенденция отделения классического («интеллигентского») культурного населения от новой духовно-интеллектуальной и нравственной ситуации в России конца XX века. Говоря проще, мир «излишней» нравственности, созданный российской интеллигенцией XIX и начала XX веков и в превращенной форме сохранившейся даже в условиях тоталитарного строя после Октября 1917-го, ныне теряет свою социальную основу и нравственную устойчивость. Он просто распадается и уходит со сцены.

В самом деле, разве герои «Войны и мира» или «Анны Карениной» могут найти хоть какой-нибудь отзвук в душах не только учеников школы, но и их молодых учителей? Ведь общественная мораль основывается ныне на принципиально иных парадигмах, которые никоим путем не сочетаются с классическими интеллигентскими образцами, какие бы софистические ухищрения при этом ни делали учителя литературы. И потому классическое наследие быстро превращается в музейный экспонат, по-своему привлекательный и экзотичный. А у экзотики, разумеется, всегда найдутся ценители.

Вполне возможно, что новая Россия, избавившаяся от своего излишнего груза общемировой озабоченности, начнет так или иначе воспроизводить свои собственные усредненные подобию Фолкнера, Дьюи, Теннесси Уильямса, Чарли Чаплина — в своем роде гениальные... Однако удвоение даже выдающейся индивидуальности неизбежно приводит лишь к одиночеству.